

Научная статья

УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-190-196>

EDN QBGXZB

Концепты «политическая элита» и «политическое лидерство» в контексте проблемы девиации элитного уровня власти

Константин Владимирович Степанов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, kstepanov@sfedu.ru

Аннотация. В статье концепты «политической элиты», «политического лидерства» и «девиации» были проанализированы в их взаимосвязи и взаимозависимости, выявлен «парадокс элит», связанный с двойственностью их позиционирования в системе общественной морали и управления, обеспеченный исключительными полномочиями и ресурсами по установлению социально-политических норм, реализации собственных интересов, утверждения практик двоемыслия, трансгрессии и произвола как атрибутов политической морали, опирающейся, на парадигму макиавеллизма и понятие политической эффективности. Поскольку в классических и современных концепциях административно-бюрократических элит их сущностные характеристики и функционал определяются в соответствии с рационально-легальным типом господства, основные девиации их поведения и качества происходят в плоскости отклонения от системы рационально-легальных установок и правил. С одной стороны, в целях предотвращения девиаций, это ориентирует на максимальное исключение воздействия так называемого «человеческого фактора» в политическом управлении, связанного с объективной тенденцией элиты к обособлению, дистанцированию от большинства, его эксплуатации в корпоративных интересах удержания и преумножения власти и т.д. А, с другой стороны, актуализирует проблематику ценностной составляющей в деятельности административно-политических элит, проблему служения интересам большинства и государственным стратегическим целям развития, выявления и анализа механизмов и моделей политического управления не только на основе легальной рациональности, но и традиционных публичных ценностей. При этом наиболее перспективной моделью взаимодействия политического лидера и его последователей выступает конституентная модель, а трансформационное лидерство наиболее соответствует задачам парирования механизмов девиации политических элит и развития гражданского общества в кризисные переходные эпохи.

Ключевые слова: политическая элита, политическое лидерство, конституентная модель политического лидерства, трансформационное лидерство, девиации, традиционные ценности, кризисная эпоха

Для цитирования: Степанов К. В. Концепты «политическая элита» и «политическое лидерство» в контексте проблемы девиации элитного уровня власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 190–196. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-190-196>. EDN QBGXZB

Politology and Ethnopolitics

Original article

The concepts of "political elite" and "political leadership" in the context of the problem of deviation of the elite level of power

Konstantin V. Stepanov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, kstepanov@sfedu.ru

Abstract. In the article, the concepts of "political elite", "political leadership" and "deviation" were analyzed in their interrelation and interdependence, the "paradox of elites" was revealed, associated with the duality of their positioning in the system of public morality and management, provided with exclusive powers and resources to establish socio-political norms, realize their own interests, and approve practices Doublethink, transgression and arbitrariness as attributes of political morality based on the paradigm of Machiavellianism and the concept of political efficiency.

© Степанов К. В., 2024

Since in classical and modern concepts of administrative and bureaucratic elites, their essential characteristics and functionality are determined in accordance with the rational-legal type of domination, the main deviations of their behavior and quality occur in the plane of deviation from the system of rational-legal attitudes and rules. On the one hand, in order to prevent deviations, this focuses on the maximum exclusion of the impact of the so-called "human factor" in political management, associated with the objective tendency of the elite to isolate, distance itself from the majority, its exploitation in the corporate interests of retaining and increasing power, etc. On the one hand, in order to prevent deviations, this focuses on the maximum exclusion of the impact of the so-called "human factor" in political management, associated with the objective tendency of the elite to isolate, distance itself from the majority, its exploitation in the corporate interests of retaining and multiplying power, etc. And, on the other hand, actualizes the problems of the value component in the activity administrative and political elites, the problem of serving the interests of the majority and state strategic development goals, identifying and analyzing mechanisms and models of political governance not only on the basis of legal rationality, but also traditional public values. At the same time, the most promising model of interaction between a political leader and his followers is the constitutional model, and transformational leadership is most consistent with the tasks of parrying the mechanisms of deviation of political elites and the development of civil society in crisis transitions.

Keywords: political elite, political leadership, constitutional model of political leadership, transformational leadership, deviations, traditional values, the crisis era

For citation: Stepanov K. V. The concepts of "political elite" and "political leadership" in the context of the problem of deviation of the elite level of power. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):190–196. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-190-196>. EDN QBGXZB

Несмотря на то, что в основополагающих правовых документах большинства демократических стран в качестве суверена, принимающего решения, прописан народ, в действительности реальным субъектом, определяющим социально-политические нормы, что законно, а что нет, выступает политическая элита и ее лидеры, выступающие от имени народа. Как справедливо отмечают исследователи элит, «играя исключительную фундаментальную роль по стабилизации социальных порядков, структурирования социального пространства, имплементации норм и их поддержания, элиты как функциональные группы и элитные персоны склонны к нарушению норм и правил. Объяснения данной амбивалентности строятся, во-первых, вокруг необходимости в силу изменяющегося контекста, где старые институциональные ограничения становятся дисфункциональными, перейти к новому нормированию. Во-вторых, в связи с двойственностью властных персон, обладающих индивидуальными и групповыми интересами – ролевая дихотомия» [1, с. 121]. То есть исключительное положение политико-административных элит, их право определять систему координат социально-политического нормирования в ситуации смены актуального контекста или в зависимости от новых политических целей создает предпосылки для позитивных и негативных девиаций их поведения и качества.

Соответственно, «важный термин для рассматриваемой темы – трансгрессия. Это наиболее общее понятие, обозначающее нарушение всяческих границ, в том числе – внутриэлитных. Можно говорить о моральной, гражданской трансгрессии и т.п. Как отмечается в литературе, степень такого рода действий может быть различной – от бунтарской (разрушение границ во имя нового) до субверсивной, направленной на изменение элементов системы. И словесно выражается это различие содержательно и риторически разными словами: трансгрессия, произвол, злоупотребление, девиация, нарушение, субверсия, инновация, самоуправство, самодурство» [1, с. 122].

Согласимся, что в реальной практике элитогенеза и политического управления имеет место «элитный парадокс», который заключается в том, что элиты должны нарушать нормы и правила во имя поддержания порядка и стабильности в новых социально-политических обстоятельствах, а также в том, что элиты должны выражать на государственном уровне интересы всего общества, частью которого они являются. Но, находясь на вершине пирамиды власти и обладая исключительными возможностями реализовывать свой интерес, они реализуют собственные корпоративные интересы как общественные, подменяя понятия и цели [1].

Здесь следует отметить, что феномен морали в политической практике не тождественен его интерпретации в рамках этики. Это связано как с парадигмой макиавеллизма, так и с трансформацией либеральной морали под влиянием понятия эффективности. Политическая эффективность,

связанная с задачами удержания и расширения власти, отличается от представлений о морали как нравственного регулятора общественной жизни. Особое положение элит, их ресурсное обеспечение, позволяющее им самим задавать нормы и применять их по отношению к оппонентам и остальному обществу, но при этом, не распространять их на собственное поведение. Это ведет к властному произволу, оправданию хитрости, насилия, тирании, коррупции и других девиаций поведения и сознания. Если при этом гражданское общество не имеет реальных рычагов влияния на элиты, способов контролировать и «отзывать» их абсолютную власть, оно вынужденно смириться с трансгрессией и девиантностью политических элит, принимая нормы «двойной морали», двоемыслия и оценок как новую социальную норму.

Следует отдельно отметить в контексте проблемы девиации политических элит феномен и содержание понятия «политический лидер», поскольку политическое управление и общественно-политическое устройство всегда имеет лидерско-элитную проекцию. Политические лидеры, вожди, руководители политических команд во многом определяют характер и направление деятельности политических элит, создают их неповторимый имидж в глазах остальной части населения страны. И как показывают исследования, для России понятие политический лидер больше, чем понятие – это символ Отечества и государства, оплот властной иерархии, персонифицированный в образах вождя, «отца народа», государя, начальника начальников и т.д.¹

Согласимся, что содержание и структура феномена политического лидерства в современном гуманитарном знании раскрывается посредством таких его компонентов, как:

- ситуационные характеристики, связанные с политическим контекстом – социально-экономические и геополитические условия, политический режим и т.д.
- характеристики последователей лидера, включая их интересы и потребности, ценностные ориентации, уровень и тип политической и организационной культуры и т.д.
- характеристики самого лидера, которые включают его мотивы и потребности, ценности, «Я-концепцию», ролевую модель, стиль и т.д.
- характер взаимодействия между лидером и его конституентами, который определяет в конечном итоге модель политического лидерства.

То есть в зависимости от характера взаимоотношений между лидером и его последователями формируются различные модели и стили политического лидерства.

В современных демократических странах наиболее востребованной является конституентная модель лидерства, поскольку она акцентирует момент обратной связи, которую оказывают последователи на своего лидера, что имеет значительную ценность в условиях, когда гражданское общество выступает равным партнером политических элит, участвует в управлении страной и легитимно контролирует власть, упреждая тем самым, развитие девиаций элит и лидеров.

Вместе с тем, при междисциплинарном анализе личностного аспекта политического лидерства нельзя недооценивать и структуру личности лидера, которая выкристаллизовалась в результате его генетической предрасположенности и политической социализации. «Примеры таких исследований включают труды А. Ф. Лазурского, структуру личности Б. Г. Ананьева, А. Г. Ковалева, Л. Н. Собчик, В. А. Ганзена и В. Н. Мясищева, 16-факторную модель личности Р. Кеттелла, а также концепцию ММРП С. Хатэуэйя и И. Маккинли, К. К. Платонова и других» [2, с. 55].

В структуре личности отражаются такие компоненты, как мировоззрение, ценности, верования, параметры идентичности, зависящие от среды, в которой личность формировалась и функционирует. Ряд авторов в анализе личности политического лидера выделяет такие триады, как «взгляды» – «страсти» – «навыки» [3]; когнитивный (взгляды лидера на окружающий мир) – аффективный (мотивация лидера) – поведенческий (стиль управления) аспекты [4]; «мировоззрение» – «характер» – «стиль» [5]. Обозначенные триады позволяют исследовать личность политического лидера на уровне сознательных и бессознательных паттернов, которые сформировались генетически и в следствии полученного опыта. В совокупности указанных характеристик политический лидер проявляется в социально-политическом поле в рамках индивидуальных ролевых сценариев и иерархии власти, обнаруживает индивидуальный стиль, который может быть более или менее гибким, со склонностью к риску или осторожности [6].

---

¹ ВЦИОМ. Новости: О национальной гордости великороссов-2024. 04 июня 2024. [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nacionalnoi-gordosti-velikorossov-2024> (дата обращения 19. 07.2024.)

Следует отметить превалирующее в гуманитарных науках «субстанциональное» исследование феномена политического лидерства на материале известных политических деятелей и их влияния на политику своего времени. Здесь лидер выступает ключевой фигурой, которая задает контекст политической жизни, пространства, которое он формирует и поддерживает благодаря уникальному набору и комплексу собственных характеристик и качеств. Вместе тем, как уже было отмечено, политическое лидерство в условиях демократических режимов власти во многом определяется последователями-конституентами. Соответственно анализ феномена политического лидерства должен включать как субстанциональный аспект, имеющий отношение к «личностному ядру» лидера, так и реляционный, заданный посредством взаимоотношений в системе «лидер – последователи». В последнем случае роль, которую проигрывают в интеракции конституенты не менее важна для формирования политического лидера, чем его собственные роли, генотип и фенотип.

Последователи, согласно типологии Р. Келли, могут быть:

- независимыми, критически мыслящими, но отчужденными от процесса политического участия и работы в команде.
- активными и эффективными, которые способны к критическому мышлению и работе в команде.
- Пассивными, которые не проявляют инициативу и в оценках полагаются на мнение других.
- Конформистами, которые придерживаются мнения большинства и руководства.
- Прагматиками, которые проявляют себя ситуативно и гибко [7].

При этом широкий спектр интеракций лидера и последователей определяется, по Б. Шамиру и Дж. Хавеллу, в рамках харизматического и нехаризматического подходов [8], что означает, что в первом случае превалирует эмоциональная связь, а во втором – рациональная. Соответственно последователей можно классифицировать как «персонализованных» и «социализированных» [9]. «Персонализованные» эмоционально более зависимы от лидера и находятся под его обаянием и влиянием, а «социализированные» примыкают к лидеру на рациональных основаниях, сохраняя определенную автономность во взглядах и ценностях.

Следует отметить, что разные политические режимы востребуют разные типа политических лидеров и их последователей. Так, например, авторитарные режимы правления востребуют харизматических лидеров и последователей, которые эмоционально зависимы от него, относительно пассивны в процессе политической борьбы, «слепо» поддерживают персоналистский режим власти и управления. Это особенно характерно для мобилизационных кризисных периодов развития общества, когда основная масса населения находится в состоянии выживания и растерянности, полагается на политическое видение и авторитет харизматического лидера, способного предложить обществу программу выхода из кризиса, реально или «на словах» взять на себя ответственность за принятие судьбоносных решений.

Демократические режимы, соответственно, востребуют лидеров, которые выстраивают рациональные отношения, основанные на общности интересов лидера и последователей, социально-политической ответственности и подотчетности лидера его конституентам. Такие лидеры и модели управления наиболее адекватны стабильному демократическому развитию, когда прозрачность и понятность структуры общества и власти коррелирует с ясностью и стабильностью социально-политического контекста, в котором осуществляется политическая борьба и управление.

Следует так же отметить концепцию лидерского капитала Л. Стаута [10], которая акцентируется на параметрах эффективности политического лидерства, и более связана с функциональными характеристиками, чем с субстанциональным пониманием феномена лидерства, основанном на сочетании врождённых талантов и политической социализации. «Модель лидерского капитала Стаута состоит из шести основных элементов, которые вместе формируют основу эффективного лидерства: видение цели, мудрость, смелость, способность вызывать доверие, умение эффективно общаться и ценности» [2, с. 59].

В аспекте эффективности, легитимности и ценностно-целевой составляющей феномена политического лидерства следует так же отметить концепцию трансформационного лидерства, которая соответствует современному пониманию эффективных моделей управления, основанных на ценностно-целевом единстве миссии власти, а также адекватна современному контексту кризисной эпохи - высокой степени неопределенности и социально-политических рисков. Здесь содержательно работает оппозиция «транзакционное – трансформационное лидерство», детерминированная разным пониманием социально-политического контекста, среды, в которой лидерство осуществляется.

Так, стабильные предсказуемые эпохи могут эффективно управляться лидерами транзакционного типа, которые умеют ставить перед обществом и элитами конкретные выполняемые задачи и добиваться от них результата по заведомо известным алгоритмам политического управления и влияния. Однако, когда контекст не определён и постоянно меняется, что характерно для переходных, кризисных эпох турбулентности, от политического лидера требуется умение принимать нестандартные решения, видеть стратегические перспективы, инициировать подчиненных и последователей на выполнение задач в условиях ограничения времени и ресурсов, что требует типа лидерства, получившего в гуманитарном знании название «трансформационное» (Дж. М. Бернс) [11].

Направление исследования политического лидерства, заданное Дж. М. Бернсом и затем развитое Б. Бассом, У. Беннисом и Б. Нанусом в концепции многофакторного трансформационного лидерства [12], позволяет понимать трансформационное политическое лидерство как стратегию управления переменами, основанную на конструктивном управлении вниманием, коммуникациями, доверием, собой и своим позитивным настроем. То есть политический лидер способен обратить внимание общества и элит в сторону стратегических перспектив, организовать их на выполнение необходимых задач благодаря его авторитету и вызываемому доверию, коммуникативным навыкам, а также умению адаптироваться к переменам, сохраняя консолидирующие власть и общество ценностно-целевые установки и позитивный настрой.

Можно согласиться, что «наиболее эффективными являются трансформационные лидеры со стилями управления «производитель» и «предприниматель», а наименее эффективными – трансформационные лидеры со стилями управления «администратор» и «интегратор» (по типологии И. Адизеса)» [13, с. 41], поскольку административно-командная система предполагает выверенные алгоритмы действия в условиях стабильности, а предпринимательство осуществляется в условиях постоянных рисков и изменчивости среды, что отвечает характеристикам современной переходной эпохи турбулентности и кризиса, выстраиванию новых мировых порядков и моделей управления.

Немаловажно, что трансформационное лидерство опирается на культуру инноваций и эффективности, позволяет сформировать у последователей соответствующий запрос на перемены и нововведения, создать мотивацию для конструктивных преобразований на организационном и личностном уровне. Это предполагает, что у подчиненных и последователей трансформационного лидера так же развиваются лидерские качества, видение будущего и инициативность, что позволяет создать разветвленную структуру власти, объединенную общими стратегическими целями и миссией в контексте решения актуальных задач. Это позволяет сделать вывод, что трансформационное лидерство наиболее соответствует задачам парирования механизмов девиации политических элит и развития гражданского общества.

Таким образом, можно сделать вывод, что политическое лидерство – это комплексный междисциплинарный феномен и социально-политический институт, который включает не только личность лидера, но и круг его конститuentов, который может быть значительным в случае, если речь идет о лидере национального масштаба или незначительным – ограниченным местным уровнем власти, представительством интересов малых групп. При этом трансформационный характер политического лидерства, связанный с управлением в условиях неопределенности, способностью взять на себя политическую ответственность и выработку стратегических перспектив на интегративной ценностно-целевой основе, позволяет наиболее эффективно осуществлять власть в эпоху перемен и кризисов, развивая на уровне общества и элит культуру инноваций, эффективности, стратегическое видение и мотивацию к самосовершенствованию.

Итак, концепты политической элиты, политического лидерства и девиации были проанализированы в их взаимосвязи и взаимозависимости, выявлен «парадокс элит», связанный с двойственностью их позиционирования в системе общественной морали и управления, обеспеченный исключительными полномочиями и ресурсами по установлению социально-политических норм, реализации собственных интересов, утверждения практик двоемыслия, трансгрессии и произвола как атрибутов политической морали, опирающейся, на парадигму макиавеллизма и понятие политической эффективности.

Поскольку в классических и современных концепциях административно-бюрократических элит, их сущностные характеристики и функционал определяются в соответствии с рационально-легальным типом господства, основные девиации их поведения и качества происходят в плоскости отклонения от системы рационально-легальных установок и правил. С одной стороны, в целях

предотвращения девиаций, это ориентирует на максимальное исключение воздействия так называемого «человеческого фактора» в политическом управлении, связанного с объективной тенденцией элиты к обособлению, дистанцированию от большинства, его эксплуатации в корпоративных интересах удержания и преумножения власти и т.д. А, с другой стороны, актуализирует проблематику ценностной составляющей в деятельности административно-политических элит, проблему служения интересам большинства и государственным стратегическим целям развития, выявления и анализа механизмов и моделей политического управления не только на основе легальной рациональности, но и традиционных публичных ценностей. При этом наиболее перспективной моделью взаимодействия политического лидера и его последователей выступает конституентная модель, а трансформационное лидерство наиболее соответствует задачам парирования механизмов девиации политических элит и развития гражданского общества в кризисные переходные эпохи.

Список источников

1. Дука А. В. Самовластие элит. Почему элиты склонны к нарушению норм и правил // Россия: история и современность. Лекции в Партийном университете. Право, политические процессы, общество, образование и культура, внешняя и оборонная политика / Под редакцией Г.М. Михалевой. М.: РОДП «Яблоко», 2023. С. 119-126. ISBN 978-5-4399-0084-8.
2. Плиев С. М. Личность, последователи и контекст: ключевые компоненты структуры политического лидерства // Общество и государство. 2024. № 1 (45). С. 54-63. DOI: 10.24412/2224-9125-2024-1-54-63.
3. Davies A. F. *Skills, outlooks, and passions: A psychoanalytic contribution to the study of politics*. Cambridge, 1980.
4. Зорин В. А. Роль личностного фактора в становлении президентства в России, Украине и Белоруссии: политико-психологический анализ личностей В. В. Путина, Л. Д. Кучмы и А. Г. Лукашенко: Дис. ... канд. полит. наук. М.: МГУ, 2003. 165 с.
5. James David Barber. *The Presidential Character*, 3rd Edition. Prentice-Hall, Inc. 1985.
6. Гозман Л. Я. Политическая психология / Л. Я. Гозман, Е. Б. Шестопал. Ростов н/Д. : Феникс, 1996. 448 с.
7. Егорова Е. В. Личностный фактор во внешней политике США в 60–90-е годы : Дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. М., 1992. 382 с.
8. Кричевский Р. Л. Психология лидерства: учебное пособие. М.: Статут, 2007. 536 с.
9. Лукьянов В. Ю. Политология: учебное пособие. СПб: СПбГУ ИТМО, 2007. 231 с.
10. Стаут Л. Лидерство: от загадок к практике. М.: Хорошая книга, 2002. 320 с.
11. Burns J. M. *Leadership*. New York : Harper & Row, 1978. 530 p.
12. Bass B. M., Bass R. *The Bass handbook of leadership: Theory, research, and managerial applications*. New York : Free Press, 2008. 1536 p.
13. Хамзина Ю. С. Сила трансформационного лидерства // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2022. № 2. С. 41–46. DOI: 10.24147/2410-6364.2022.2.41-46.

References

1. Duka A. V. The autocracy of the elites. Why elites are prone to violating norms and rules. In: *Russia: history and modernity. Lectures at the Party University. Law, political processes, society, education and culture, foreign and defense policy*. Edited by G. M. Mikhaleva. Moscow: RODP "Yabloko"; 2023:119–126. ISBN 978-5-4399-0084-8. (In Russ.)
2. Pliiev S. M. Personality, followers and context: key components of the structure of political leadership. *Society and the state*. 2024;1(45):54–63. (In Russ.). DOI: 10.24412/2224-9125-2024-1-54-63.
3. Davies A. F. *Skills, outlooks, and passions: A psychoanalytic contribution to the study of politics*. Cambridge, 1980.
4. Zorin V. A. *The role of the personal factor in the formation of the presidency in Russia, Ukraine and Belarus: a political and psychological analysis of the personalities of V.V. Putin, L.D. Kuchma and A.G. Lukashenko*: Dis. ... Candidate of Political Sciences. Moscow: Moscow State University; 2003. 165 p. (In Russ.)

5. James David Barber. *The Presidential Character*, 3rd Edition. Prentice-Hall, Inc. 1985.
6. Gozman L. Ya., Shestopal E. B. *Political psychology*. Rostov-on-Don: Fenix; 1996. 448 p.
7. Egorova E. V. *The personal factor in US foreign policy in the 60-90s*: Dis. ... Dr. polit. Sciences : 23.00.02. Moscow; 1992. 382 p. (In Russ.)
8. Krichevsky R. L. *Psychology of leadership: textbook*. Moscow: Statute; 2007. 536 p. (In Russ.)
9. Lukyanov V. Yu. *Political science: textbook*. St. Petersburg: St. Petersburg State University ITMO; 2007. 231 p. (In Russ.)
10. Stout L. *Leadership: from riddles to practice*. Moscow: Dobraya kniga; 2002. 320 p. (In Russ.)
11. Burns J. M. *Leadership*. New York: Harper & Row; 1978. 530 p.
12. Bass B. M., Bass R. *The Bass handbook of leadership: Theory, research, and managerial applications*. New York: Free Press; 2008. 1536 p.
13. Khamzina Y. S. The power of transformational leadership. *Bulletin of Omsk University. The series "Psychology"*. 2022;(2):41–46. (In Russ.). DOI: 10.24147/2410-6364.2022.2.41-46.

Информация об авторе

К. В. Степанов – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики ЮФУ.

Information about the author

K. V. Stepanov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminology, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.08.2024; одобрена после рецензирования 05.09.2024; принята к публикации 06.09.2024.

The article was submitted 15.08.2024; approved after reviewing 05.09.2024; accepted for publication 06.09.2024.